

ПРОДУКТЫ ПЧЕЛОВОДСТВА НА РЫНКАХ ДОНСКОГО БАССЕЙНА И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В VIII–XV ВВ.

Р.Н. Перелётов

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Поступила в редакцию 10 октября 2008 г.

Аннотация: *в статье речь идет об одном из наиболее востребованных товаров на международном и внутреннем рынке Древнерусского государства в эпоху средневековья – продуктах пчеловодства: меде и воске. Автор анализирует данные отечественных и иностранных источников, дающих сведения о развитии пчеловодства, колебаниях цен на мед и воск в регионе Донского бассейна.*

Ключевые слова: *пчеловодство, мед, воск, торговля, товары.*

Abstract: *one of the most demanded in international and home markets of the ancient Russian state during an epoch of the Middle Ages were products of bee-keeping. Archaeological materials from Slavic-and-Russian settlements of the Upper and Average Don do not allow speaking with absolute reliability about development of this craft in this region during an epoch of the Middle Ages, but its some traces nevertheless are present here again.*

Key words: *bee-keeping, honey, wax, trading, goods*

Одними из наиболее востребованных на международном и внутреннем рынке Древнерусского государства в эпоху средневековья были продукты пчеловодства. Речь здесь, прежде всего, идет о меде и воске – традиционных статьях древнерусского экспорта упомянутых в трудно перечислимом количестве отечественных и иностранных источников. Увы, имеющиеся на сегодняшний день археологические материалы со славяно-русских поселений Верхнего и Среднего Дона не позволяют со стопроцентной достоверностью говорить о развитости этого промысла в данном регионе в эпоху средневековья, но некоторые его следы все же присутствуют и здесь. Так, например, на славянском городище боршевской культуры Титчиха, датируемом концом VIII – второй половиной X вв., в период раскопок, проводившихся в 1954–1962 гг. под руководством А.Н. Москаленко, был обнаружен кусок воска [15. С. 25].

Наверное, самым известным торговым центром Восточной Европы, поставлявшим воск на мировой рынок того времени, был Новгород Великий. Здесь уже в XII в. оформилось самое крупное и надежно засвидетельствованное в источниках купеческое объединение купцов-вошников (монополистов, державших в своих руках всю торговлю

воском в городе и местности к нему прилегающей) при церкви св. Иоанна на Опоках. В церкви хранились запасы воска и эталоны для его взвешивания. Богатейшие купцы Новгорода платили солидный вступительный взнос 50 гривен и обязывались сделать подарок тысяцкому в виде штуки ипрского сукна за право считаться членами «иваньского братства» и пользоваться его привилегиями [23. С. 280–281]. В комментарии к берестяной грамоте № 439, найденной в Буяном (Лубяницком) раскопе в Новгороде Великом, И.Л. Городницкий сообщает, что 50 гривен (ок. 10 кг серебра) могли равняться цене капи воска в Новгородской земле в конце XII – начале XIII вв. [20. С. 308]. Е.И. Каменцева и Н.В. Устюгов же полагают, что капь в XIII в. весила 4 пуда, или 65,52 кг [8. С. 59].

Спрос на воск был колоссальным. В Новгород Великий его завозили не только с территорий, входивших в Новгородскую республику, или из Карелии, но и из «низовских земель», то есть с Юга Руси. Христианская Европа, как и сама Русь после крещения, потребляла его, прежде всего, для церковных нужд. Восковые свечи были также наиболее распространенным осветительным прибором в темное время суток вплоть до появления электричества. Вошанные дощечки широко использовались для ведения

повседневных деловых записей. Воском закупивалась товарная тара.

Применялся воск в ремесленном и промышленном производстве, например сапожники использовали его для вошения дратвы. Воск употребляли при изготовлении печатей, в энкаустике (восковая живопись, выполняемая горячим способом – расплавленными красками) и в литейном деле. С.Д. Краснощекова указывает, что восковые формочки, видимо, использовались ювелирами городища Ключевка (XII–XIII вв.), расположенного в среднем течении Быстрой Сосны, правого притока Верхнего Дона [13. С. 345]. По оценке А.Г. Еманова воск был важнейшим компонентом технологии вошения в бумажном производстве, стремительно распространившемся в XIII в. по всей Европе и имевшем значение ничуть не меньшее, чем промышленная революция. Вывоз воска в Геную, вблизи которой находилась одна из первых и самых знаменитых мастерских по изготовлению бумаги, мастерская Фабризо, достиг в XIII в. колоссальных объемов [6. С. 32].

Острая нужда в воске побуждала некоторых купцов к его фальсификации. В целях увеличения веса и объема воска русские и карельские купцы нередко смешивали его с жиром, желудями, дегтем, варом, смолой, маслом, горохом и другими веществами и примесями. Из 116 статей устава общины немецких купцов в Новгороде, составленного между 1315 и 1371 гг. (IV Скра), 10 статей посвящены организации торговли воском и тому, как русские его подделывают. Устав предусматривал ответственность купца, купившего такой воск у русских, которые продают его «весьма охотно». Невнимательный купец подвергался денежному штрафу, а товар сожжению [23. С. 361–365]. И тем не менее даже такой воск, судя по всему, поглощался если не «легальным», то «черным» рынком, так как только в очень крупных торговых центрах попадают при археологических изысканиях остатки восковых кругов. Кроме Новгорода Великого, большие куски воска встречались, например, в Московском Кремле в слое XV в. (около 7 обломков 1 круга) и на посаде средневековой Москвы [11. С. 112–113].

Не меньшими были обороты продуктов пчеловодства на юго-западе Восточной Европы и в Северном Причерноморье. О поставках воска славянами на рынки Чехии и Южной Германии свидетельствует «Раффельштеттенский таможенный устав» (904–906 гг.): «...Славяне же, отправляющиеся для торговли от ругов или богемов (русы и чехи),

если где расположатся для торговли где-либо на берегу Дуная..., с каждого вьюка воска платят две меры стоимостью в один скот каждая...» [16. С. 82]. Крупнейший арабский историк, писатель, географ и путешественник ал-Мас‘уди (ум. 956 г.) описал процесс поступления меда и воска на рынки Персии при посредничестве Хазарского каганата. Производителями этих товаров он называл «Русь», «Киев» и «Болгар» [3. С. 484]. Некоторые другие арабские авторы IX–XII вв. также писали об изобилии меда в славянских землях. Русский воск, поступавший на рынки Византии при посредничестве печенегов и купцов Херсонеса, упоминает Константин Багрянородный (император в 945–959 гг.) [12. С. 57]. Князь Святослав I Игоревич, согласно ПВЛ, называл мед и воск основными статьями южнорусского экспорта (969 г.) наряду со «скорой» (выделанные шкуры и меха) и рабами [18. Стб. 215–216].

К более позднему, чем титчихинская находка, времени среди археологических материалов с территории лесостепного Подонья относится бортный топорик Семилукского городища. Время существования этого поселения определяется рамками конца XII–XIII вв. Обнаруженный здесь в ходе раскопок 1987–1993 гг. под руководством А.Д. Пряхина топор имеет длину 32 см, толщину лезвия до 1,7 см, ширину 4 см, диаметр обушного отверстия 3,5 см [22. С. 37–38]. Частые находки топоров такой формы, использовавшихся для бортного промысла, известны на мордовских памятниках XII–XIII вв. Интересно, что на ранее упомянутом Титчихинском городище присутствуют археологические свидетельства постоянного проживания некоторого количества представителей мордовского этноса. Вообще же орудия бортничества на древнерусских памятниках встречаются редко. Кроме бортовых топориков, это ножи для срезания пчелиных сот и «медорезки», представляющие собой железные лопаточки с коленчатой рукояткой, «лазиво», или сиденье бортника с крюками-креплениями, и древолазные шипы [2. С. 233].

В эпоху средневековья известны были три вида пчеловодства: дикое коренное или естественное дупловое, выше упомянутое бортничество и пчеловодство с ульями [3. С. 470]. В первом случае промысловики просто разыскивали в лесу дупла с ульями диких пчел и в определенное время года занимались сбором меда и воска в условиях естественной среды. По сути дикое пчеловодство сводилось к простому однократному собирательству, сопровождавшемуся уничтожением или обречением на гибель

семьи пчел. Бортничество представляло собой уже более сложный вариант пчеловодства и предусматривало разведение пчел. Бортники вырубали для них дупла в подходящих для этого деревьях и, вероятно, занимались искусственным заселением таких «лесных ульев» в период роения. Пчеловодство с ульями являлось еще более сложной процедурой, так как предусматривало заботу о каждой пчелиной семье в течение всего года. Ульи эпохи средневековья представляли собой одноярусные деревянные колоды, изготовлявшиеся в домашних условиях.

Свидетельства арабских авторов убеждают, что восточные славяне знали пчеловодство с ульями еще в IX–X вв. Так автор начала X в. Ибн Ростэ в «Книге драгоценных украшений», которая является компиляцией анонимного «Описания северных народов» начала IX в., сообщает: «...Страна славян – ровная и лесистая, и они в ней живут. И нет у них виноградников и пахотных полей. И есть у них нечто вроде бочонков, сделанных из дерева, в которых находятся пчелы и мед. Называется это у них «улишдж» (улей), и из одного бочонка добывается до 10 кувшинов меда...». И далее изобилие меда вновь упоминается при описании обряда поминовения умершего: «...И по прошествии года после смерти покойника берут они бочонков двадцать больше или меньше меда, отправляются на тот холм, где собирается семья покойного, едят там и пьют...». Сходное с предыдущим анонимное сочинение конца X в. «Худуд ал‘Алам», или «Пределы мира», уточняет, что славяне при изобилии меда из него «изготавливают вино и тому подобные напитки». А, кроме того, «сосуды для вина делаются у них из дерева, и случается, что один человек ежегодно делает до 100 таких сосудов». С некоторыми вариациями такая же информация об ульях, изобилии меда и медового вина у славян присутствует в «Красе повествований» Гардизи (середина XI в.) и в «Природе животных» ал-Марвази (конец XI – начало XII вв.). География этих рассказов такова, что данные описания могут быть отнесены к полянам, северянам и донским славянам, то есть к региону лесостепной зоны Доно-Днепровского и частично Доно-Волжского междуречья, который традиционно посещался арабскими купцами в VIII–XI вв. или входил в орбиту их экономического влияния [17. С. 387–391].

Впрочем, «Русская Правда» содержит статьи, свидетельствующие о развитии на Руси именно бортном промысле. Кровно заинтересованная в продуктах пчеловодства княжеская власть взимала их с населения в виде натуральной феодальной ренты. Кроме того, князья имели собственные

бортные угодья, уход за которыми осуществлялся княжескими людьми или ответственными за них общинами. Известно также, что бортные угодья помечались знаками собственности. В «Русской Правде Пространной редакции», в той ее части, которая именуется «Устав Володимерь Всеволодичь» (1113 г.), защите прав собственности бортников, так или иначе, посвящены 5 статей (№№ 64, 65, 66, 68, 69). В них фигурируют различные виды штрафов: за порчу знаков собственности на бортных угодьях и деревьях (12 гривен), за порчу разграничительных черт между участками угодий (12 гривен), за повреждение борти (3 гривны) и бортного дерева (полгривны), за кражу пчел (3 гривны), меда (10 кун) и сотов (5 кун). «Русская Правда» различает «лаженных» пчел, то есть таких, чьи соты уже один или несколько раз подрезались, и «не лаженных»; там же упоминается «олек» – борть, в которой есть только начало сотов, а меда еще нет. О неоднократном использовании отдельной борти говорит и практика помечивания бортей знаками собственности [25. С. 88–110].

Надо полагать, что и «Русская Правда», и арабские источники правы в описании способов добычи меда и воска. Думается, что распространение того или иного способа пчеловодства связано с природными условиями среды обитания пчеловодов. Значительная часть территории домонгольской Руси была покрыта сплошными лесами, и в этих условиях естественным было развитие бортничества. Отсюда такое внимание в древнерусском законодательстве именно к бортникам. Краем сплошных лесов является и соседняя для донских славян Мордовия, откуда происходит традиция изготовления бортных топориков. В лесостепной же полосе, где лес не был помехой в развитии хозяйства, а служил естественной защитой от набегов внешних врагов, у населения не было привычки портить значительные площади лесных угодьев, что неизбежно происходило при искусственном вырубании бортных дупел. И именно эти земли находились в первую очередь в поле зрения арабских купцов, описавших традицию пчеловодства с ульями. Впрочем, на Руси в целом всех пчеловодов по традиции называли «бортниками». Также именуется донские пчеловоды в договоре о распределении доходов между Иваном Васильевичем Рязанским и его младшим братом Федором Васильевичем 1496 года [5. С. 334–335].

Картину медового изобилия Руси дополняет Ипатьевская летопись. Согласно ее сообщению в 1146 году в ходе феодальной войны между русскими князьями в соседнем Донском бассейне Посе-

мье подвергся разграблению город Путивль, в котором войсками князя Изяслава Мстиславича Киевского было захвачено 500 берковцев меда [18. Стб. 333–334]. Если верна версия о величине весовой нормы берковца, по которой 1 берковец = 10 пудам = 163,2 кг, то всего в городских кладовых находилось 81 т 600 кг меда [19. С. 559]. Из сообщения трудно понять, идет ли речь о сырце или обработанном меде, то есть медовом вине. Впрочем, последнее вполне вероятно, учитывая то, что в этом перечне военной добычи вместе с медом тут же упомянуто импортное вино в корчагах.

Сводки цен на мед, собранные Н.Я. Аристовым по данным разнообразных письменных источников, заставляют предположить, что рыночная стоимость этого продукта в русских землях эпохи средневековья сильно колебалась. Впрочем, эти цены касаются главным образом региона северных русских земель и севера Европы. Согласно тексту Новгородской I летописи старшего извода в 1170 г., в период политического противостояния Новгорода Великого с Андреем Боголюбским, при дороговизне на все съестные припасы мед в столице феодално-демократической республики покупали по 10 кун за пуд (16,32 кг). Ниже, ссылаясь на дипломатические источники немецкого происхождения, Н.Я. Аристов сообщает, что в 1269 г. 4 фунта меда (384 золотника, или чуть более 1,6 кг) стоили 1 куну. В то же время 5 ливонских фунтов меда, которые весили 100 золотников каждый (чуть больше 2,1 кг), оценивались в 10 кун. Такая разница вызвана, видимо, тем обстоятельством, что на русские фунты мед взвешивался в Новгороде Великом, а на ливонские фунты уже в немецких городах, в частности в Любеке. Относительно цен XV в. Н.Я. Аристов исходит из текста Псковских летописей. Согласно им в 1467 г. при дешевизне съестных припасов в Пскове платили по полтине за 7 пудов меда, а уже в 1476 г. там же в аналогичной ситуации полтину давали за 11 пудов меда [1. С. 299–300].

В контексте приведенного выше перечня определенной интерес вызывает текст берестяной грамоты № 61 из Неревского раскопа Новгорода Великого, датируемой второй третью XIII века. Оригинальный текст ее звучит так: «... | ... [ис](п)[равите по и]зростомо поло третия десято гривно серебра | истины :и: пудов меду а три годъи а ное саме ведает[е] код цо исправить что взятии | а ко мне кажите о всемо...». Традиционно данное послание читается так: «... расплатитесь (или: расплатитесь) по процентам за 25 гривен серебра ос-

новного капитала [и] 10 пудов меда, причем [за] три года. А остальное вы сами знаете (или: он сам знает) – когда (или: где) что заплатить. А мне сообщайте обо всем».

Между тем, как видно из оригинального текста, в фрагменте о выплатах по процентам между словами «поло третия десято гривно серебра истины» (25 гривен серебра основного капитала) и «:и: пудов меду» (10 пудов меда) отсутствует союз «и». Этот союз добавляют переводчики. Конечно, новгородской частной переписке свойственно выпадение отдельных малозначительных слов, понятных и адресату, и отправителю. Но в данном случае отсутствие этого союза все же существенно. При отсутствии знаков препинания не исключено, что автор уточняет для адресата, о каких именно 25 гривнах серебра, взятых в долг, идет речь, то есть он может иметь в виду сумму, взятую в долг не деньгами, а оцененным в денежном эквиваленте товаром. В эпоху средневековья, да и много позднее, нормальным явлением было отсутствие в сделках реальных, что называется «живых» денег. Очень часто купцы, особенно в крупных сделках, меняли товар на товар, производя одновременно его денежную оценку, товар оставляли под залог сделки, наконец, товар просто одалживали под будущую прибыль с его реализации. Б.Б. Кафенгауз полагает, что в данном послании говорится, в частности, о займе медом с уплатой процентов натурой. Таким образом, данный текст позволяет предположить, что во второй трети XIII в. берковец меда в Новгороде Великом мог стоить 25 гривен серебра [20. С. 291–292]. Если эта версия справедлива, то столь высокая цена заставляет думать, что в данном случае под медом подразумевается не мед-сырец, а медовое вино.

После монголо-татарского нашествия и образования государства Золотая Орда медовое вино, наряду с традиционным кумысом, стало одним из любимых напитков кочевников. Арабский путешественник и, вероятно, дипломатический эмиссар египетского султана Ибн Батута, посетивший Золотую Орду в 1335 г., рассказывая о традициях и обычаях двора хана Узбека, сделал вывод о том, что ордынцы совершенно не употребляют сладкого. По прибытии к хану из поездки в Булгар Ибн Батута попал на местный придворный праздник. Во время праздника араб предложил хану Узбеку восточных сладостей, содержавших в своем составе сахар, но тот лишь окунул в блюдо палец, положил его в рот и более к блюду не прикасался. И далее, после эпизода со сладостями, Ибн Батута свидетельствует, что татары «...большою частью...

пьют медовое вино... Они ханифейского толка и считают вино дозволенным...» [24. С. 300, 362–363]. Между тем, еще папский легат Иоанн дель Плано Карпини (дипломатическая миссия 1245–1247 гг.) указывал, что у татар нет «...вина, пива и меду... если этого им не пришлют и не подарят другие народы...» [21. С. 42]. Мед – этот природный заменитель сахара – длительное время применялся вместо него при приготовлении, а, главное, при консервации плодов ягод и фруктов, разного рода блюд, варений, пищевых смесей и напитков. Чтобы потеснить мед на рынке Золотой Орды, Египетскому султанату пришлось приложить много усилий. Одним из способов приучить ордынцев к египетскому сахару была целенаправленная его реклама через посольские дары. Практически в каждом случае преподнесения даров хану Золотой Орды египетскими посольствами упоминаются десятки и сотни мешков первосортного сахара [24. С. 262, 271, 279 и др.].

Итальянские республики Генуя и Венеция, имевшие постоянные торговые фактории в устье Дона и Крыму, относили воск к категории товаров «*sottili*», подгруппе грубых крупных специй «*spezierie grosse*», то есть к дорогостоящим товарам, нуждавшимся при транспортировке в специальной охране. Флорентинец Франческо Пеголотти, автор знаменитого трактата «Практика торговли» (составлен между 1310–1340 гг.), упоминал воск в списке пятнадцати наиболее ходовых товаров крупного международного рынка Нижнего Дона италордынского порта Таны [4. С. 52]. А импортировался воск из Таны и крымской Кафы в колоссальных объемах. К примеру, только в 1289–1290 гг. в Геную, поблизости от которой находилась вышеупомянутая мастерская по изготовлению бумаги, мастерская Фабризо, было отправлено воска почти на 11 млн аспров (аспр соответствовал золотоордынскому дирхему), в Перу – на 17,8 тыс. аспров, часть воска стоимостью 54 тыс. аспров составила товарный резерв в Кафе [7. С. 79]. Помимо Генуи, воск вывозился в Венецию, в города Южной Франции и Средиземноморской Испании, в Дамаск и Александрию [6. С. 32].

Воск, блестящий, залитый в формы или упакованный кусками в ткань, подкрашенный в привлекающие глаз тона, поступал на рынки Северного Причерноморья из бортных угодий Смоленщины, воскобойных центров Пскова и Новгорода, областей Подонья. Судя по документам XIII–XV вв., различались «воск Кафы», происходивший из Крыма, «воск Газарии» из Днепровско-Донского между-

чья, «воск Таны», поступавший из Подонья и, по видимому, Поволжья, и «воск Севастополя», производившийся в Грузии. Дополнительная очистка и пробойка воска производилась часто не только в Тане, но и в крымской Кафе, там же происходила его упаковка и сортировка, что должно было удостоверить штемпелем кафских сапсеров из числа ремесленников, имевших дело с воском, например изготовителей свечей (*candellerii*), фигурировавших в нотариальных актах. По свидетельству Пеголотти, как и новгородский, воск Северного Причерноморья далеко не всегда отличался чистотой и блеском, а порой был просто фальсифицированным. Наибольшей чистотой, прозрачностью и блеском отличались «воск Загоры» (Болгария) и «воск Трапезунда» (южный берег Черного моря). Из сортов Северного Причерноморья выше других котировался «воск Газарии» [6. С. 128–129].

Если говорить о прибыльности торговли воском, то, по мнению профессора Баллара, она составляла 21 %. Но, как полагает А.Г. Еманов, возможны и иные расчеты. Стоимость очищенного блестящего воска в Кафе в середине XIV в. составляла 252 аспра за кантарий (47,65 кг). Рыночная цена в Генуе достигала 10 лир, или 300 аспров, давая прибыль 50 %. Эта величина должна быть уменьшена на транспортные издержки, обычно не превышавшие 5 %. С другой стороны, расчеты по контрактам о вывозе воска почти всегда сопровождались вексельными операциями, позволявшими извлекать дополнительные проценты на разнице курсов [6. С. 33].

Мед Франческо Пеголотти называл в общем списке товаров рынка Донского бассейна, не акцентируя на нем особого внимания. Об изобилии же меда и медового вина в нижнедонской Тане, в землях татар, в Московском и Рязанском княжествах, подобно ранее упомянутому Ибн Батуте, многократно писал венецианский путешественник, торговец и дипломат Иосафат Барбаро (время путешествий 1436–1452 гг.). Помимо всего прочего, итальянец оставил нам интересные свидетельства издания антиалкогольных законов Василием II Темным, запретившим изготовление особо крепких напитков, дабы отвратить русский народ от пьянства, которому тот был подвержен [4. С. 159].

Вывоз продуктов пчеловодства с Нижнего Дона и из Черноморского региона вообще регламентировался высшими органами власти итальянских торговых республик. В конце XIII в. в Генуэзскую республику св. Петра воск вывозился полными пинтами и навами, крупнейшими судами грузо-

емностью до 500 тонн. Сенат Венецианской республики св. Марка специальными постановлениями определял фиксированные цены фрахта государственных охраняемых судов при вывозе воска. Вывоз товаров «*sottili*» на частных неохраняемых судах разрешался в исключительных случаях. Постановления Сената республики св. Марка показывают, что с течением времени цены на перевозку воска, а значит и цены на сам воск, существенно повышались. Так, 7 мая 1369 г. Сенат своим решением заменил старую норму фрахта – 16 сольди 3 гросса (390 аспров) за милиарий (ок. 320 кг) воска от Таны и Трапезунда до Венеции на норму 25 лир а гросси (12 тыс. аспров), а фрахт от Константинополя с 13 сольди гроссов (312 аспров) на 20 лир а гросси (9600 аспров) [10. С. 130, 141]. Таким образом, стоимость перевозки воска возросла в 30 раз, что приравнивалось к стоимости фрахта за перевозку всех грубых крупных специй «*spezierie grosse*». Нельзя исключать, что повышение цен на эти товары было вызвано не только растущим спросом, но также падением курса лиры гросси по отношению к золотому дукату и дестабилизацией политической обстановки в Золотой Орде в связи с гражданской войной, так называемой «великой заматней» (1359–1380 гг.). Цены фрахта за эти товары были снижены Сенатом в 1399–1400 гг. практически вдвое, вероятно, в целях скорейшего восстановления нижнедонской венецианской фактории в Тане после Тамерланова разорения (1395 г.). Но когда в начале того же XV в. обострились ордынско-литовские отношения и начался новый виток гражданских войн в Золотой Орде, стоимость фрахта вновь повысилась и на этот раз более чем вдвое [10. С. 130].

Столь высокие цены фрахта на перевозку воска время от времени вызывали серьезные финансовые потери у торговцев, занимавшихся его импортом. По-видимому, рост цен фрахта, а также всей суммы накладных и транспортных расходов происходил в этом случае значительно быстрее роста цен на сам товар. Правительство Венеции, вероятно, полагало, что такие меры не остановят торговлю столь востребованным в духовной жизни и производстве продуктом, и торопилось пополнить свою казну за счет его регулярного товарооборота. Но негативные последствия столь неосторожной политики не заставили себя ждать очень долго, в конце XIV–XV вв. наблюдалось уменьшение объема сделок с воском во всем Северном Причерноморье. В актах кафинского нотариуса Никколо Беллиньяно 1381–1382 гг. значился кон-

тракт о транспортировке 155 кантариев (7,3 т) воска до Перы с последующим вывозом в Геную. В 30-е гг. XV в. из 9 сделок с поставками воска в Венецию с перевалкой в Константинополе 6 касались незначительных партий, не превышавших 120 кг [6. С. 33]. Отчасти это объяснялось конкуренцией «воска Загоры», поставлявшегося из Болгарии, превосходившего по качеству тот, что вывозился из Кафы и Таны, отчасти было следствием демократизации капитала, вызванной вовлечением местного купечества в международный обмен, и почти наверняка сдерживающим фактором стал стремительный рост цен на воск вследствие многократного увеличения накладных расходов и сокращения поставок воска из обезлюдевших в ходе опустошительных войн районов лесостепной зоны Восточной Европы.

Книга счетов венецианского купца Джакомо Бадоера за 1436–1440 гг., имевшего постоянное пребывание в Константинополе, свидетельствует, что покупная цена воска в Кафе в годы составления этого бухгалтерского документа была лишь на 5–6 % ниже, чем в столице Византийской империи. После перевозки воска из Константинополя в Венецию продажная стоимость повышалась еще на 21,6 и 32,8 %, что несколько улучшало общий показатель прибыли. Часть товара весом 1480,3 кг на сумму 768 иперперов (14 746 аспров) была закуплена им в Трапезунде, Симиссо и Севастополе [9. С. 130–132]. Однако конечный итог был неутешительным. За 1436–1440 гг. Джакомо Бадоер израсходовал на закупку воска в бассейне Черного моря, на накладные, таможенные и транспортные расходы по перевозке, на его взвешивание, погрузку и очистку сумму 2338 1/6 иперпера Константинополя (44 864 аспра). От продажи этого воска, в конечном счете, он выручил лишь 2267 1/8 иперпера (43 526 аспров). Таким образом, купец потерял 71 иперпер (1338 аспров), что составило минус 3,04 % прибыли [26. С. 229–230, 239]. И тем не менее, если Джакомо Бадоер занимался покупкой и перевозкой воска на столь значительные суммы, следовательно, в предыдущие годы подобные операции все же приносили ему прибыль. Нельзя забывать и о том, что часть закупленного воска купец мог использовать для собственного употребления в повседневной жизни, в церкви, при опечатывании грузов и в производстве.

Мы далеки от мысли о том, что именно славяно-русское население Верхнего и Среднего Дона было основным поставщиком продуктов пчеловодства на рынки Золотой Орды и Северного При-

черноморья в эпоху средневековья. Разумеется, мед и воск в больших количествах с глубокой древности экспортировали сюда все русские земли, Волжская Болгария и Мордовия, и для региона Донского бассейна эти товары были главным образом категорией транзитных грузов, основная часть которых здесь не производилась и предназначалась не для потребления, а для перепродажи или дальнейшей транспортировки на рынки Европы и Азии. И тем не менее, для нас несомненно, что славяно-русское население лесостепного Подонья также вносило свой вклад в товарооборот и формирование цен на данную продукцию. Рязанские князья в вышеупомянутом договоре 1496 г. о разделе территорий и распределении доходов с них главными прибыльными статьями опустевшего региона Верхнего и Среднего Дона считали продукцию рыболовного и бортного промыслов [5. С. 334–335]. Насколько интенсивным был этот товарооборот, мы можем судить лишь приблизительно, исходя из всей совокупности источников (главным образом письменных), дошедших до нас. Более четкую картину о развитии пчеловодства, колебаниях цен на мед и воск в регионе Донского бассейна мы можем составить лишь на основании документов значительно более позднего времени [14. С. 481–487].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристов Н.Я. Промышленность древней Руси. – СПб, 1866.
2. Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село. – М., 1985.
3. Археология Украинской ССР. – Т. III. – Киев, 1986.
4. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. – М., 1971.
5. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (ДДГ). – М.–Л., 1950.
6. Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции: На материалах Кафы XIII–XV вв. – Тюмень, 1995.
7. Еманов А.Г., Попов А.И. Итальянская торговля на Черном море в XIII–XV вв. // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века : межвуз. сб. науч. тр. – Ростов н/Д., 1988.
8. Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская метрология. – М., 1975.
9. Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв. : проблемы торговли. – М., 1990.
10. Карпов С.П. Путиями средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской Республики в XIII – XV вв. – М., 1994.
11. Колызин А.М. Торговля древней Москвы (XII – середина XV в.). – М., 2001.
12. Константин Багрянородный. Об управлении империей // Древнейшие источники по истории народов СССР. – М., 1989.
13. Краснощекова С.Д. Археологические исследования в Ливенском районе Орловской области // Археологические изучения Центральной России. – Липецк, 2006.
14. Мизис Ю.А. Формирование рынка центрального Черноземья во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. – Тамбов, 2006.
15. Москаленко А.Н. Городище Титчиха. – Воронеж, 1965.
16. Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. – М., 2001.
17. Новосельцев А.П. Восточные источники о славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. – М., 1965.
18. ПСРЛ. – Т. 2. – М., 2001.
19. Перхавко В.Б. Торговый мир средневековой Руси. – М., 2006.
20. Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания : аннотированный каталог-справочник. – СПб., 2003.
21. Плано Карпини Дж. дель. История монгалов. – М., 1997.
22. Пряхин А.Д., Цыбин М.В. Древнерусское Семи-лукское городище (материалы раскопок 1987–1993 гг.) // На Юго-востоке Древней Руси: историко-археологические исследования. – Воронеж, 1996.
23. Рыбина Е.А. Торговля средневекового Новгорода : историко-археологические очерки. – Великий Новгород, 2001.
24. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. – Том I. – СПб., 1884.
25. Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. – М., 1953.
26. Шитиков М.М. Накладные и транспортные расходы и уровень прибыли венецианского купечества в Византии в первой половине XV в. (по данным книги счетов Джакомо Бадоера) // Проблемы экономического и политического развития Европы в Средние века и античную эпоху. Ученые записки. – Вып. 294. – М., 1969.

Елецкий государственный университет
Р.Н. Перелетов, ассистент кафедры Российской истории и археологии
denis-l@mail.ru
Тел. (47467) 6-06-64

Eletskiy State University
R.N. Pereletov, the assistant of the department of Russian history and archeology
denis-l@mail.ru
tel. (47467) 6-06-64